

dark fantasy

УЗЫ ПЕПЛА. КЛЯТВА КРОВИ. ВЫБОР СВОБОДЫ.

КЛЯТВА ПЕПЛА

— Andy Smith —

Andy Smith

Клятва Пепла

<https://litres.ru/74320307>

Аннотация

— Если нас поймают — казнят обоих, — хрипло произнес он, но так и не убрал горячую ладонь с моей талии.

— Тогда не ловитесь, командир.

Двадцать один год я была просто вещью. Безымянным Сосудом Белой Башни, чье тело изо дня в день накачивают чужой, обжигающей магией. Моя судьба предрешена — сгореть дотла во время Великого ритуала. Но всё меняется, когда к моей камере приставляют нового командира Стражи. Кайрен — холодный, расчетливый, безжалостный. Идеальный солдат жестокого Ордена. Однако одна случайная вспышка запретной магии обнажает правду: под черным мундиром мой страж прячет такие же шрамы, как у меня. Он — бывший Сосуд, который вернулся, чтобы уничтожить Башню до основания. Верховный Жрец уже сплел для нас смертельную ловушку, желая использовать нашу связь. Теперь у нас лишь сорок восемь часов, чтобы переписать жестокий ритуал. Я должна довериться человеку, который изначально планировал мной пожертвовать, а он — рискнуть всем ради пленницы, ставшей для него единственным светом в этой тьме.

В тексте есть:

Запретная магическая связь (резонанс и истинность)

Опасный и суровый герой (командир стражи со скрытым прошлым)

Пленница, которая не сдается

Вынужденное сближение и тайны жестокого Ордена

Эмоции на грани, борьба за жизнь и страсть

Содержание

ГЛАВА 1. СОСУД	5
Глава 2. Цепь	40
ГЛАВА 3. ТРЕЩИНЫ	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

ГЛАВА 1. СОСУД

Боль начиналась с запястий - всегда с запястий - и расходилась к локтям, как трещины по льду.

Ирэн знала её наизусть. Первая нить входила мягко, почти вкрадчиво - тёплый укол, словно кто-то осторожно прижал раскалённую иглу к тонкой коже и тут же убрал. Вторая была грубее. Третья - как глоток кипятка, от которого перехватывает горло. Дальше считать становилось трудно, потому что нити сливались в сплошной горячий поток, и тело переставало различать, где заканчивается одна боль и начинается другая.

Двенадцать. Вчера их было двенадцать.

Сегодня Элара зажала её запястья крепче обычного. Пальцы жрицы были сухими, прохладными - прикосновение старого пергамента к живой коже. Ирэн лежала на ритуальном камне и смотрела в потолок, где влага оставила разводы, похожие на карту несуществующего побережья. Она изучила эту карту за годы кормлений: вот залив, вот мыс, вот островок, который в прошлом году дал трещину и стал двумя островками. Камень под спиной был ледяным - он всегда был ледяным, даже летом, словно Белая Башня впитывала холод из какого-то подземного источника и бережно несла его наверх, в ритуальные камеры, в спальные ячейки, в коридоры,

в кости.

Тринадцать.

Четырнадцать.

Ирэн стиснула зубы. Жжение поднялось к плечам - раскалённые ручки под кожей, растекающиеся по рукам и дальше, к рёбрам, к позвоночнику, к затылку. Каждая нить была отдельной жилой боли, отдельной струной, натянутой между запястьями и чем-то глубоко внутри - там, где, по словам жриц, находилось ядро. Вместилище. Пустота, предназначенная для заполнения.

Пятнадцать.

Шестнадцать.

Элара не остановилась.

Где-то в стене капала вода - мерный, безразличный звук, который Ирэн слышала каждое утро уже столько лет, что он стал частью тишины. Кап. Кап. Кап. Камера пахла ладаном, воском оплывших свечей и чем-то металлическим - тонким, едва уловимым. Кровью. Не её - или не только её. Камень впитал столько крови за столетия, что запах стал его собственным, как запах мокрой земли принадлежит земле, а не дождю.

Семнадцать.

Ирэн считала не потому, что это помогало терпеть. Терпеть она научилась давно - так давно, что уже не помнила, каково это, когда боль удивляет. Она считала, потому что числа были единственным, что принадлежало ей. Жрицы не

знали, что она считает. Они думали, что сосуд просто лежит и принимает. Что сосуд - пуст, покорен, благодарен. Что сосуд не думает.

Сосуд думал.

Восемнадцать. Девятнадцать.

Жрицы называли её «благословлённой». Ирэн подозревала, что в ритуальном языке «благословлённая» и «расходный материал» были синонимами, но у неё не хватало знания древних текстов, чтобы это доказать. Впрочем, доказательства были излишни. Достаточно было посмотреть на собственные руки - на тонкую сеть серебристых шрамов от запястий до локтей, похожую на речную дельту, увиденную с высоты птичьего полёта. Если бы птица была слепой и летела сквозь дым.

Двадцать.

Элара замерла. Её пальцы на мгновение - на одно короткое, почти незаметное мгновение - разжались. Не убрались, нет. Просто ослабили хватку. Будто рука, державшая перо, на секунду забыла, что пишет. Потом пальцы снова сомкнулись, и нити хлынули.

Двадцать один. Двадцать два.

Ирэн закрыла глаза. За веками вспыхивали белые искры - так было всегда, когда нитей становилось слишком много. Её тело гудело, как натянутая тетива, и откуда-то из глубины грудной клетки поднимался звук, который она не слышала ушами, а ощущала рёбрами - низкий, вибрирующий гул,

словно внутри неё кто-то ударил в колокол, обёрнутый тканью.

Двадцать три. Двадцать четыре.

Они торопились. Ирэн не знала - куда, но тело знало. Тело знало раньше разума, как животное чувствует землетрясение за минуту до первого толчка. Вчера двенадцать. Сегодня - и она перестала дышать, когда последняя нить вошла, тяжёлая, вязкая, как расплавленный мёд, - двадцать шесть.

Элара убрала руки. Отступила на шаг. Ирэн слышала шорох её серых одежд, тихий стук сандалий по камню - три шага назад, поворот, звук, с которым жрица опускает руки в каменную чашу с солёной водой. Ритуал очищения. После каждого кормления. Элара мыла руки так, словно прикосновение к сосуду было грязью, которую нужно смыть.

Или - и эта мысль пришла к Ирэн однажды ночью, когда бессонница была особенно острой, - словно она мыла руки от того, что делала.

- Встань, - сказала Элара.

Голос жрицы был ровным, сухим, как звук, с которым ломается тонкая ветка. Ни одобрения, ни жалости. Элара никогда не спрашивала, было ли больно. Элара знала, что было больно. Она сама когда-то лежала на этом камне. Давно. В другой жизни, которую она сложила, как письмо, и убрала в ящик, и заперла, и выбросила ключ.

Ирэн села. Мир качнулся - влево, потом вправо, потом замер, но с лёгким креном, как палуба корабля в тихую качку.

Она упёрлась ладонями в камень. Шрамы на запястьях горели - свежий жар поверх старого, новые трещины поверх зарубцевавшихся. Босые ступни коснулись пола, и холод прошёл через всё тело, от пяток до зубов, и на секунду перебил жжение, и Ирэн почти благодарно вцепилась в этот холод, как хватаются за поручень в падающем лифте.

Она встала. Одёрнула серое одеяние - простое, без единого шва украшения, ткань грубая, но чистая. Сосуды носили серое. Жрицы - белое. Стража - чёрное. Цветовая иерархия, понятная даже ребёнку: ты - между, ты - ни то ни другое, ты - пространство, предназначенное для заполнения.

- Двадцать шесть, - сказала Ирэн.

Она не собиралась говорить это вслух. Слова вышли сами - тихие, ровные, почти безразличные. Констатация. Элара остановилась у двери. Не обернулась. Но её спина - узкая, прямая, как древко копья, - стала чуть жёстче. Чуть неподвижнее.

- Не считай, - ответила Элара.

Это было первое, что жрица сказала ей за пределами ритуальных формул за три дня. Не считай. Не «это необходимо». Не «так решил Орден». Не «ты должна быть благодарна».

Не считай.

Ирэн наклонила голову - привычный жест, который жрицы принимали за покорность. На самом деле она наклоняла голову, когда слушала. По-настоящему слушала - не слова,

а то, что стояло за ними, как тень за человеком в предзакатном свете.

Элара вышла. Дверь закрылась - тяжёлый, глухой звук, от которого вздрогнули свечи. Ирэн осталась одна в ритуальной камере, босая, дрожащая, с двадцатью шестью нитями чужой силы, свёрнутой где-то между рёбрами, и с одной мыслью, которая была только её:

«Не считай» - значит, есть что-то, чего мне лучше не знать.

Она поднесла руку к косе, коснулась тугих переплетений. Волосы были единственным, что ей позволяли - или, вернее, единственным, что она присвоила без разрешения. Заплетать их самой. Выбирать, как туго. Где начинать плетение. Это был не бунт - слишком мелко для бунта. Это было что-то другое. Что-то, для чего у неё не было слова.

Двадцать один год - и единственное решение, которое она приняла сама, касалось собственных волос. Иногда это казалось ей настолько ничтожным, что хотелось смеяться. Иногда - настолько огромным, что хотелось плакать.

Чаще всего она не делала ни того, ни другого.

* * *

Окно было узким - не окно, а бойница, прорезь в камне, сквозь которую мог протиснуться только взгляд. Ирэн прижалась плечом к стене и смотрела.

Серый Исток лежал внизу, как зверь, свернувшийся вокруг Башни. Город из чёрного камня - крыши, стены, мосто-

вые, даже шпили низких храмов - всё было чёрным, словно вырезанным из одного куска застывшей тьмы. Улицы расходились от Башни кольцами: первое кольцо - казармы стражи и жилища младших жрецов; второе - мастерские, лавки, дома тех, кто обслуживал Орден; третье - жилые кварталы, где людям разрешалось быть просто людьми. Четвёртое кольцо Ирэн никогда не видела - оно начиналось за пределами того, что позволяла бойница. Там, говорили, были сады. Деревья. Трава.

Ирэн не знала, как пахнет трава.

Она знала запах ладана, воска, крови, мокрого камня, солёной воды, в которой жрицы мыли руки, и едкого дыма от ритуальных чаш. Она знала запах собственного страха - кисловатый, тонкий, похожий на запах старой меди. Знала, как пахнут другие сосуды - потом, тревогой и чем-то сладковатым, что оставляли нити, просачиваясь сквозь кожу по ночам.

Но трава - нет. И земля после дождя - нет. И ветер, настоящий ветер, не тот жалкий сквозняк, что забирался в бойницу и умирал на полпути к противоположной стене, а ветер, который треплет волосы и забирается под одежду и пахнет чем-то, чему она не знала названия. Свободой, наверное. Хотя это было слишком громкое слово для того, чего она хотела. Она хотела проще. Она хотела выйти за дверь и не слышать, как за спиной поворачивается засов.

Из бойницы тянуло холодом. Утренний воздух Серого Ис-

тока был влажным, тяжёлым - он нёс запах гари от кузниц второго кольца, горячего камня, нагретого подземными источниками, и чего-то горького, травяного, что Ирэн не могла опознать. Может быть, это и была трава. Может быть, она всё это время знала её запах, просто не знала его имени.

Внизу двигались люди. С такой высоты они были маленькими, как фигурки на игровой доске, которую Ирэн однажды видела в руках у стражника - тот играл сам с собой, скучая на ночном посту, и не заметил, что сосуд стоит за углом и смотрит. Фигурки были деревянными, грубо вырезанными, и стражник двигал их с такой нежностью, с какой не касался ничего живого. Ирэн запомнила его руки - большие, с обломанными ногтями, удивительно осторожные. Через неделю его перевели. Или убрали. Здесь не задавали вопросов о тех, кто исчезал.

Сейчас внизу шли торговцы - она угадывала их по тележкам. Женщина тащила корзину, и что-то из корзины свешивалось, и за ней бежал ребёнок, и ребёнок смеялся. Звук долетал сюда тонкой, почти растаявшей нитью - и это было забавно, потому что нити Ирэн знала слишком хорошо, но эта нить была другой. Лёгкой. Ни к чему не привязанной.

Ударил колокол.

Звук прошёл сквозь камень, сквозь кости, сквозь зубы. Часы клятв - четвёртый удар, начало второй стражи. Город внизу не замер, не остановился - люди привыкли к колоколам, как привыкают к собственному сердцебиению. Но Ирэн

заметила: женщина с корзиной прижала ребёнка к себе. На секунду. Рефлекс. Потом отпустила, и они пошли дальше.

Четвёртый удар значил, что до вечернего кормления осталось восемь ударов. Ирэн знала распорядок своей жизни не по часам и не по свету - по боли. Утреннее кормление, промежуток, вечернее кормление, ночь. Ночь была лучшей частью - не потому, что боль отступала, а потому, что в темноте никто не наблюдал. Можно было лечь лицом к стене и притвориться, что стена - это чей-то живот. Что за ней - тепло, дыхание, биение чужого сердца. Что ты не одна.

Можно было. Но Ирэн не притворялась. Она лежала в темноте, считала удары собственного пульса и думала о вещах, которые ей не принадлежали. О траве. О ветре. О том, что будет, когда нитей станет достаточно.

Достаточно для чего - этого ей никто не говорил. Но в последние недели жрицы ускорились. Двенадцать нитей стали шестнадцатью, шестнадцать - двадцатью, двадцать - двадцатью шестью. Элара перестала разговаривать. Младшие жрицы смотрели на Ирэн так, как смотрят на вещь, которую скоро придётся отдать: с нервной бережностью и невольной жадностью.

Что-то приближалось. Что-то большое. И Ирэн стояла у бойницы, босая, с руками, горящими от свежего кормления, и смотрела на город, который никогда не был её городом, и думала: если бы я могла выбирать, куда бежать, - я бы выбрала туда, где растёт трава. Любая трава. Даже сорная.

Особенно сорная.

Сорняки - единственные растения, которые никто не сажал. Они появлялись сами. Росли, где хотели. Их вырывали - они возвращались.

Ирэн коснулась косы и отвернулась от окна.

* * *

Она услышала их раньше, чем увидела.

Звук шёл снизу - из главного двора, через два этажа и четыре коридора, но Башня была устроена так, что звуки путешествовали по ней, как вода по трубам: непредсказуемо, настойчиво, появляясь там, где их не ждали. Ирэн стояла на галерее второго яруса - узком каменном балконе, опоясывающем внутренний двор, - и смотрела вниз сквозь колоннаду.

Стража.

Новый отряд - двенадцать человек в чёрном, построенные в два ряда. Они воняли дорогой. Не грязью - именно дорогой: пылью, лошадиным потом, кожей, размокшей и высохшей заново, чем-то копчёным - вяленое мясо, наверное. Запах «снаружи». Ирэн втянула его ноздрями и задержала, как задерживают дыхание под водой - жадно, зная, что это ненадолго.

Стража Башни менялась каждые три месяца. Это Ирэн знала не из книг - книг ей не полагалось - а из наблюдений. Новые лица, новые шаги, новый ритм дыхания за дверью её ячейки по ночам. Первую неделю новая стража ходила тяжело - оружие лязгало, сапоги грохотали, голоса звенели эхом.

Потом Башня их приручала. К концу первого месяца они двигались тихо. К концу третьего - почти беззвучно. Башня съедала звуки, как съедала всё: свет, тепло, время, имена.

Двенадцать чёрных фигур стояли ровно. Один из жрецов - Ирэн узнала его по жёлтой полосе на рукаве, младший церемониймейстер - произносил формулу принятия. Голос отражался от стен, дробился, слова невозможно было разобрать, но Ирэн знала их наизусть: «...вверяю вам стены и то, что внутри... ваши клинки - продолжение воли Ордена... ваши глаза - его глаза...»

Она скользнула взглядом по строю. Привычка - бессмысленная, но неистребимая. Она всегда рассматривала людей, потому что людей в её жизни было мало и каждый новый был событием. Солдаты были разными: широкий, узкий, бородатый, безбородый, один с повязкой на левой руке - старая рана, плохо зажившая. Стандартный набор. Ничего, что задержало бы взгляд.

Кроме одного.

Он стоял в конце второго ряда - или не в конце, а чуть в стороне, на полшага дальше от остальных, как если бы строй был разговором, а он - паузой в нём. Высокий. Жилистый. Тело, собранное не для парада, а для движения - Ирэн не смогла бы объяснить, откуда знала это, но знала, как знают, что чайник горячий, ещё до того, как коснутся ручки. Что-то в развороте плеч, в том, как он стоял - не «стоял на месте», а «стоял, готовый перестать стоять».

Жрец говорил. Солдаты слушали, опустив головы - кто ниже, кто выше, но все вниз. Этот - нет. Он смотрел прямо перед собой. Не дерзко, не вызывающе - просто прямо. Как человек, которому не нужно опускать взгляд, чтобы показать уважение. Или как человек, который давно перестал уважать то, перед чем стоит, и прячет это единственным доступным способом: неподвижностью.

Жрец закончил формулу. Солдаты поклонились - одним движением, вымуштрованным и синхронным. Тот, в конце строя, тоже поклонился. Но его поклон был короче. На долю секунды - на ту долю, которую никто не заметит, если не считать каждое мгновение, как считает Ирэн. Его затылок мелькнул и исчез - короткие тёмные волосы, обрезанные неровно, не цирюльником, а чем-то быстрым и безразличным к результату.

Он выпрямился. Повернул голову.

И посмотрел вверх.

Ирэн отшатнулась - или попыталась, но тело не двинулось. Тело замерло, как замирало всегда, когда она злилась или когда ей было страшно, - полная, абсолютная неподвижность, словно если не шевелиться, то тебя не увидят. Детская логика. Глупая. Бесполезная. Он уже видел.

Секунда.

Его глаза были тёмными - не цвет, нет, цвет на таком расстоянии разглядеть невозможно, но ощущение. Тёмный взгляд. Не враждебный. Не любопытный. Не тот взгляд, ко-

торым стража обычно смотрела на сосудов - скользящий, стеклянный, как взгляд на мебель. Он смотрел на неё так, словно она была чем-то, что нужно запомнить. Не понять - запомнить. Как запоминают расположение выходов в незнакомом здании.

Две секунды.

Никто никогда не смотрел на неё так. Жрицы смотрели сквозь неё. Стража - мимо. Маэрон - внутрь, но то было другое, то было как рука, забравшаяся в карман. Этот человек смотрел на неё - на поверхность, на контур, на ту часть Ирэн, которая существовала в пространстве и занимала место. Как на человека.

Три секунды.

Он отвернулся. Строй двинулся - шаги, лязг, скрип кожаных ремней, - и двенадцать чёрных фигур потекли через арку, в казармы, в утробу Башни. Ирэн осталась стоять, вцепившись пальцами в каменный парапет, и обнаружила, что считает пульс.

Сто двенадцать. Сто тринадцать. Сто четырнадцать.

Она заставила себя отпустить камень. Пальцы не хотели разжиматься - суставы побелели, и на парапете остались влажные следы от ладоней. Она убрала руки, спрятала их в складках одеяния - привычный жест, автоматический, выученный до того, как она осознала, что учит его. Прятать руки. Прятать шрамы. Прятать всё, что может рассказать о ней больше, чем позволено.

Три секунды. Ирэн не понимала, почему эти три секунды ощущались длиннее, чем двадцать шесть нитей утреннего кормления. Боль имела время. Боль начиналась и заканчивалась. Три секунды чужого взгляда не начались и не закончились - они продолжались, как тянется звук после того, как колокол умолк.

Она тряхнула головой. Глупости. Стражник посмотрел на движение - она стояла у балкона, она шевельнулась, он среагировал. Рефлекс. Привычка солдата: зафиксировать, оценить, забыть. Ничего больше.

Ирэн развернулась и пошла по галерее к своей ячейке. Ноги были ледяными - босые ступни на каменном полу, сквозняк из бойниц, привычный холод, привычная дрожь. Она шла тихо, как ходила всегда - невидимо, неслышно, серая тень в серых стенах.

На полпути она остановилась. Коснулась косы. Поддержала переплетённые волосы между пальцами - тугие, ровные, каждая прядь на своём месте.

Его волосы были обрезаны грубо. Неровно. Словно он резал их сам.

Она не знала, почему эта деталь застряла в ней, как заноза. Не знала - и не стала выяснять. Двадцать один год в Белой Башне научили её одному: не все вопросы нужно задавать вслух. Некоторые лучше спрятать. Как руки. Как шрамы. Как счёт.

Сто восемьдесят семь. Сто восемьдесят восемь.

Она пошла дальше.

* * *

Покои Верховного Жреца пахли чаем.

Это была первая мысль Ирэн, когда стражники - не новые, старые, ещё из прошлого отряда - привели её к массивной двери из белого дерева и отступили. Дверь была открыта. Из-за неё тянулся запах, который не принадлежал Башне: что-то травяное, тёплое, с лёгкой горечью и сладостью одновременно. Так, наверное, пахнет утро за пределами этих стен. Или так пахнет ловушка, когда ловец не торопится.

- Входи, Ирэн.

Голос Маэрона был таким же, как запах чая: мягким, обволакивающим, ни к чему не обязывающим. Приглашение, а не приказ. Всегда - приглашение. Маэрон никогда не приказывал. В этом была его сила и его жестокость: он оставлял иллюзию выбора, зная, что выбора нет. Дверь открыта. Стража за спиной. Пожалуйста, входи. Ты ведь хочешь войти. Ты ведь благодарна.

Ирэн вошла.

Покои были большими - не по меркам Башни, а по меркам Ирэн, чья ячейка вмещала лежанку, каменную полку и расстояние в три шага от стены до стены. Здесь было пространство. Настоящее, незанятое пространство - между креслами, между полками с книгами, между столом и окном. Окно было широким. Не бойница - окно. С прозрачным стеклом, через которое свет входил целиком, не обрезанный камнем,

не процеженный сквозь щель. Свет лежал на полу золотыми прямоугольниками, и Ирэн с трудом удержалась, чтобы не шагнуть в один из них. Встать в свете. Почувствовать тепло на коже. Она не помнила, когда последний раз чувствовала тепло, которое не было болью.

Маэрон сидел за столом. Высокий, аскетичный, с лицом, которое можно было бы назвать красивым, если бы не его неподвижность - черты были правильными, но застывшими, словно вырезанными из чего-то, что когда-то было живым и перестало. Седые волосы до плеч - единственное, что двигалось, когда он поворачивал голову. Глаза - светлые до прозрачности, почти белые, как зимнее небо за минуту до того, как пойдёт снег.

Перед ним стояли две чаши. Ирэн отметила это сразу: две. Одна для него. Одна для неё. Забота. Внимание. Мягкие когти.

- Сядь, пожалуйста, - сказал Маэрон и указал на кресло напротив.

Ирэн села. Кресло было мягким - настолько мягким после каменной лежанки, что тело не сразу поняло, что с ним происходит. Мышцы, привыкшие к жёсткости, не могли расслабиться и вместо этого напряглись сильнее, как если бы мягкость была угрозой. И, в каком-то смысле, была. Комфорт в этой комнате существовал для того, чтобы ты забыла, где находишься. Ирэн не забывала.

- Чай? - спросил Маэрон.

- Благодарю, Верховный.

Он налил. Движения его рук были точными и неторопливыми - руки человека, который никуда не спешит, потому что мир подождёт. Ирэн смотрела на чашу, а не на него. Чаша была белой, с тонким серебряным ободом. Пар поднимался, завивался, исчезал. Она обхватила чашу ладонями - тепло вошло в пальцы, в шрамы, и на секунду боль от утреннего кормления отступила, как зверь, которого спугнули.

- Элара говорит, что сегодня было двадцать шесть, - сказал Маэрон.

Ирэн не шевельнулась. Сердце толкнулось в рёбра - раз, другой, третий - и она начала считать. Двести тридцать один. Двести тридцать два.

- Да, Верховный.

- Как ты себя чувствуешь?

Вопрос прозвучал так, как звучат вопросы врача, который уже знает диагноз, но хочет услышать симптомы от самого больного - не для информации, а для формы. Для протокола заботы.

- Хорошо, Верховный.

Маэрон посмотрел на неё. Его почти белые глаза были спокойными - не холодными, нет, а именно спокойными, как поверхность озера, под которым неизвестная глубина. Он улыбнулся - едва заметно, одними уголками губ.

- Ты можешь не лгать мне, Ирэн. Двадцать шесть - это больно. Я знаю, что это больно.

Он говорил это так, словно боль была чем-то, что они делили. Общим опытом. Нитью - другой нитью, невидимой, - которая связывала его с ней. Ирэн аккуратно поставила чашу на стол. С осторожностью. С той осторожностью, с какой обычно ставят вещи, которые очень хочется разбить.

- Я справляюсь, Верховный.

- Я знаю, что справляешься. - Маэрон откинулся в кресле. Его голос стал чуть ниже - не громче, не жёстче, а именно ниже, как опускается рука на плечо: мягко, тепло, и ты не сразу понимаешь, что она тебя держит. - Ты справляешься лучше, чем кто бы то ни было. Ирэн, ты знаешь, сколько нитей ты несёшь сейчас?

Она знала. Она считала каждую. Но не призналась бы в этом, даже если бы ей рассекли кожу от запястья до локтя - снова.

- Нет, Верховный.

- Четыре тысячи триста семнадцать.

Число повисло в воздухе. Ирэн услышала его не ушами - позвоночником. Что-то внутри неё, в том месте, которое жрицы называли ядром, а она называла пустотой, качнулось, как маятник, задетый чужой рукой.

Четыре тысячи триста семнадцать. Она не знала общего числа. Она считала только ежедневные кормления - сколько входит за раз. Общий счёт вёлся где-то в журналах Элары, в колонках чисел, написанных ровным, безэмоциональным почерком жрицы, фиксирующей объём жидкости, залитой в

ёмкость.

- Последний сосуд, достигший такого уровня, жил сто двенадцать лет назад, - продолжил Маэрон. Его голос стал ещё мягче, почти нежным, и Ирэн захотелось отодвинуться, как отодвигаются от огня, который горит слишком ровно, чтобы быть безопасным. - Он нёс три тысячи. Ты - на тысячу больше. И ты цела. Ты здорова. Ты - чудо, Ирэн.

Чудо. Ирэн слышала это слово раньше. Жрицы шептали его за её спиной - благоговейно, как шепчут имена святых. Чудо. Подарок. Избранная. Слова, которые звучали как комплименты, но ощущались как ценники.

Двести девяносто восемь. Двести девяносто девять. Триста.

- Ты знаешь, для чего мы готовим тебя? - спросил Маэрон.

Ирэн наклонила голову. Послушный жест. Жест сосуда, который слушает.

- Для Великого ритуала, Верховный.

- Для Пепельной Клятвы, - уточнил Маэрон, и в его голосе что-то дрогнуло - не страх, не сомнение, а что-то похожее на трепет. Трепет человека, стоящего перед картиной, которую он рисовал всю жизнь и наконец видит завершённой. - Высший ритуал. Последний раз его проводили при Первом Жреце. Знаешь, что он сделал?

- Нет, Верховный.

Она знала. Обрывки. Шёпоты. Слова, подслушанные в коридорах, между ударами колокола, между кормлениями, в

те минуты, когда жрицы думали, что сосуд спит. Пепельная Клятва требовала двух сосудов. Двух - и того, что между ними. Подробностей Ирэн не знала. Но знала, что ни один из тех двух сосудов не пережил ритуал.

Маэрон встал. Обошёл стол и остановился рядом с ней - напротив, а чуть сбоку, как встают, когда хотят быть ближе, но не хотят, чтобы это выглядело как угроза. Его рука легла ей на плечо. Лёгкая. Тёплая. Отеческая.

У Ирэн не было отца. Она не знала, как ощущается отцовская рука на плече. Но она знала, как ощущается рука, которая может сжаться в любой момент, и знала, что между первым и вторым часто нет разницы.

- Я хочу, чтобы тебе было не больно, - сказал Маэрон. Тихо. Почти нежно. И Ирэн ему почти поверила - потому что он верил себе. В этом заключался его дар: он лгал, не зная, что лжёт. Он стоял на костях и искренне скорбел. Он строил клетку и называл её домом. - Но ритуал не обсуждается, Ирэн. Мир болен. Ты это чувствуешь - нити рассказывают тебе о мире больше, чем любому из нас. Скажи мне, что ты чувствуешь, когда они входят.

Ирэн молчала. Она чувствовала многое. Жжение. Тяжесть. Чужой голод, впечатанный в каждую нить - голод мира, который хочет больше, больше, больше, и никогда не насыщается. Иногда - далёкие образы, как эхо чужих воспоминаний: чьи-то руки над огнём, чей-то крик, оборванный на полуслове, запах горелого, запах крови, запах пепла. Нити

несли в себе отпечатки тех, кто их создал, и Ирэн принимала всё, потому что сосуд принимает, сосуд вмещает, сосуд не выбирает.

- Боль, - сказала она наконец. Просто. Одним словом. - Я чувствую боль, Верховный.

Маэрон убрал руку. Кивнул - медленно, задумчиво, словно она сказала что-то глубокое, а не очевидное.

- Боль - это язык мира, Ирэн. Мир говорит с нами через боль. А ты - ты единственная, кто слышит его достаточно ясно. - Он вернулся к столу, сел. Взял свою чашу. Отпил. Его глаза - зимние, прозрачные, нечеловеческие - смотрели на неё поверх белого края. - Мы увеличим кормления. Три раза в день, начиная с завтра. Элара позаботится о том, чтобы переход был плавным.

Три.

Три раза в день. Двадцать шесть нитей утром, двадцать шесть днём, двадцать шесть вечером. Семьдесят восемь нитей в сутки. Ирэн посчитала за долю секунды - числа были единственным, что ей подчинялось, и они подчинялись мгновенно. Семьдесят восемь. При текущей плотности - через месяц она будет нести больше шести тысяч. Через два - восемь. Ни один сосуд в истории не выдерживал больше пяти.

Она это знала. Маэрон это знал. Между ними стояло число, и оба делали вид, что его нет.

- Да, Верховный, - сказала Ирэн.

Маэрон улыбнулся. Тёплая, почти печальная улыбка. Улыбка человека, который бросает монету в колодец и загадывает желание, зная, что колодец давно сухой.

- Ты можешь идти. И выпей чай, Ирэн. Он остывает.

Ирэн взяла чашу. Поднесла к губам. Чай был горьковатым, с травяной сладостью и едва уловимой ноткой чего-то цветочного. Он был тёплым, и на секунду - на одну жалкую, воровскую секунду - её тело отозвалось на эту теплоту: мышцы чуть отпустили, плечи чуть опустились, дыхание стало чуть глубже.

Она допила и встала. Поклонилась. Вышла.

За дверью стояли стражники - те же двое, с теми же неподвижными лицами. Они повели её обратно, и Ирэн шла между ними, босая, серая, с привкусом чужого чая на языке, и считала.

Четыреста семьдесят два. Четыреста семьдесят три. Четыреста семьдесят четыре.

Четыре тысячи триста семнадцать нитей. Она носила в себе столько чужой силы, что хватило бы обрушить стену. Любую стену. Даже эту, белую, которая окружала её двадцать один год. Но нити не принадлежали ей - они принадлежали Ордену, как принадлежало Ордену всё: её тело, её имя, её боль. Даже слово «Ирэн» значило «пустой сосуд» на ритуальном языке. Ей не оставили даже имени - только функцию.

Четыреста девяносто. Четыреста девяносто один.

Ты - чудо, Ирэн.

Чудеса не живут долго. Чудеса происходят - и заканчиваются. В этом их природа.

Ирэн шла по коридору и думала о сорняках.

* * *

Вечернее кормление началось раньше обычного.

Колокол ударил десять раз - на два удара раньше, чем обычно, - и Ирэн, лежавшая на лежанке в своей ячейке с закрытыми глазами и открытым сознанием, услышала шаги в коридоре прежде, чем засов повернулся. Двое. Шаги Эллары - короткие, быстрые, с характерным щелчком каблука на каждом третьем шаге, левая нога чуть жёстче правой, старая привычка, которую жрица не замечала за собой, а Ирэн знала, как знала расположение пятен на потолке. И вторые шаги - тяжелее, увереннее, с мягким скрипом кожи.

Стража. Но не из прежнего отряда. Ритм другой. Вес другой.

Ирэн села. Одёрнула одеяние. Коснулась косы - туго, ровно, каждая прядь на месте. Босые ноги опустились на пол, и холод привычно впился в ступни.

Дверь открылась. Элара стояла на пороге - прямая, как древко, лицо замкнутое, губы сжаты. За ней - чёрная фигура стражника. Новый. Из утреннего строя. Ирэн скользнула по нему взглядом и остановилась.

Он.

Тот, из второго ряда. Тот, кто стоял на полшага в стороне, кто кланялся на долю секунды короче. Тот, кто поднял голо-

ву и посмотрел на неё - три секунды, три секунды, которые до сих пор звенели где-то между рёбрами, как застрявшая нота.

Сейчас он стоял за плечом Элара, и его лицо было неподвижным - жёсткие черты, острые скулы, тёмные глаза, которые смотрели прямо перед собой и ничего не выражали. Идеальный солдат. Идеальная маска. Но Ирэн видела маски каждый день - весь её мир состоял из масок: масок жриц, масок стражи, масок Маэрона, её собственной маски покорного сосуда - и она умела замечать щели. А у него щель была в руках. Он стоял по стойке «смирно», но пальцы правой руки - чуть согнуты, чуть напряжены, словно ещё помнили рукоять оружия, которое отобрали при входе в ритуальную камеру.

- Идём, - сказала Элара.

Ирэн встала и пошла за ней. Стражник двинулся следом - в трёх шагах позади, как положено. Ирэн слышала его дыхание - ровное, контролируемое, слишком контролируемое для обычной ходьбы. Так дышат люди, которые привыкли следить за каждым вдохом. Солдаты. Или те, кто давно научился не показывать страх.

Ритуальная камера встретила её привычным набором: холод, запах воска и ладана, капель в стенах, тусклый свет свечей. Каменная плита. Чаша с солёной водой. Жаровня с тлеющими углями в углу - не для тепла, а для ритуала: угли нужны были Эларе, чтобы нагреть руки перед кормлением. Жри-

да утверждала, что тёплые руки лучше проводят нити. Ирэн подозревала, что это была единственная форма милосердия, которую Элара себе позволяла.

Стражник занял позицию у двери. Ирэн легла на камень. Спина - к холоду. Руки - вдоль тела, ладонями вверх, запястья обнажены. Привычная поза. Поза сосуда. Поза, в которой невозможно защищаться.

Элара подошла. Нагрела руки над жаровней - Ирэн видела, как оранжевый свет углей отразился в глазах жрицы, на мгновение сделав их живыми, почти тёплыми. Потом Элара повернулась, и свет погас, и её лицо снова стало тем, чем было всегда: замкнутым, точным, привычным инструментом.

Пальцы Элары легли на запястья. Прохладные, несмотря на жаровню. Или это кожа Ирэн была слишком горячей - нити, накопленные за день, пульсировали под поверхностью, как второе сердцебиение, и тело было тёплым изнутри, тёплым неправильно, чужим теплом.

Первая нить.

Ирэн стиснула зубы. Вечерние кормления были хуже утренних - тело уже несло груз утренних нитей и сопротивлялось новым, как переполненный стакан сопротивляется последней капле. Каждая нить входила тяжелее, каждая причиняла больше боли, каждая требовала от Ирэн сознательного усилия - впустить, принять, вместить.

Пять. Десять. Пятнадцать.

Камень под спиной стал скользким от пота. Ирэн дышала

- медленно, размеренно, как учила себя в те ночи, когда бессонница подступала вплотную и единственным способом не сойти с ума было дышать и считать, дышать и считать, пока числа не заменяли мысли. Вдох - четыре удара сердца. Выдох - четыре удара. Пауза - два. Снова.

Двадцать. Двадцать один. Двадцать два.

Элара работала молча. Её лицо было сосредоточенным, почти отрешённым - лицо ремесленника, занятого привычной работой. Но руки - руки были чуть менее уверенными, чем обычно. Чуть медленнее. Чуть осторожнее. Ирэн ощущала это кожей, той частью сознания, которая не думала, а чувствовала - разницу между привычным прикосновением и прикосновением, за которым стоит нерешительность.

Двадцать пять. Двадцать шесть.

Элара убрала руки. Отступила. Повернулась к чаше.

Ирэн лежала и ждала, пока мир перестанет вращаться. Свечи на стенах двоились, троились, сливались в размытые жёлтые пятна. Гул внутри грудной клетки стал громче - не звук, а давление, как если бы кто-то заполнил её лёгкие тёплой водой и вода поднималась, поднималась, поднималась к горлу.

Она села. Мир качнулся. Она переждала. Спустила ноги. Камень. Холод. Привычная опора.

Встала.

Мир не качнулся - мир обрушился. Пол ушёл из-под ног - не буквально, но ноги потеряли его, колени подломились, и

Ирэн успела подумать только одно: вот и всё, четыре тысячи триста сорок три нити наконец нашли дно, которого нет, - и упала.

Рука.

Чужая рука перехватила её за предплечье - быстро, точно, рефлекторно. Хватка была жёсткой, но не грубой - так хватают не вещь, а человека, и разница между этими двумя хватками была такой огромной, что Ирэн ощутила её всем телом, всей кожей, каждым нервом.

Его рука. Горячая. Шершавая - мозоли на ладони, грубая кожа пальцев, тепло, идущее не от жаровни и не от нитей, а от крови, живой, чужой, человеческой. Его пальцы сомкнулись на её предплечье, прямо поверх шрамов, и Ирэн почувствовала каждый палец отдельно - как пять горячих точек на карте, которую она всю жизнь считала мёртвой.

Вспышка.

Белый свет - не из свечей, не из жаровни, не снаружи. Изнутри. Из места, где его пальцы касались её кожи. Свет хлынул, как вода через прорванную плотину, - беззвучный, слепящий, абсолютный. Ирэн зажмурилась, но свет был и за веками, и внутри черепа, и в костях, и в каждой из четырёх тысяч трёхсот сорока трёх нитей, которые вдруг проснулись все одновременно, все разом, как стая птиц, вспугнутая выстрелом.

Треск. Сухой, острый, как статическое электричество - как если бы воздух между ними лопнул. На языке появил-

ся привкус озона - горький, металлический, чистый. Нити внутри Ирэн завибрировали - не так, как при кормлении, не болью, а чем-то другим, чем-то, для чего у неё не было слова. Резонанс. Отклик. Словно внутри неё ударили в колокол - и где-то, в его руке, в его крови, в его теле, другой колокол ответил.

Он отдёргнул руку.

Свет погас. Мгновенно, как отрубленный. Камера вернулась: камень, свечи, капель, запах воска и крови. Ирэн стояла - каким-то чудом стояла, ноги держали, хотя не должны были, - и смотрела на стражника, который отступил на два шага и прижал правую руку к телу, как обожжённую.

Его лицо. Маска дала трещину - на долю секунды, на один удар сердца, но Ирэн увидела. Она видела за масками - это был её единственный настоящий навык, выращенный годами молчаливого наблюдения, и сейчас она увидела: не страх, не удивление. Узнавание. Он узнал то, что произошло. Он знал, что это такое.

Челюсть сжалась. Маска вернулась. Он опустил руку и встал по стойке «смирно», и снова был идеальным солдатом, неподвижным, безразличным, чёрной тенью у двери.

Но Ирэн уже видела.

Элара обернулась.

Ирэн никогда не забудет лицо жрицы в этот момент. Элара была женщиной, которая пережила всё: кормления, боль, предательство собственного тела, годы в Башне, годы молча-

ния, годы, в которых единственной эмоцией была усталость, переплавленная в дисциплину. Элара не боялась боли. Не боялась жриц. Не боялась Маэрона - или боялась, но так давно, что страх стал привычкой, а привычка - частью лица.

Сейчас Элара боялась.

Это было видно не в глазах - глаза Элара остались сухими, тёмными, ничего не отражающими. Это было видно в руках: пальцы жрицы, только что спокойно погружённые в чашу с солёной водой, замерли. Вода стекала с них, капала на камень, и Элара не двигалась, не дышала, смотрела на Ирэн и на стражника за её спиной, и в её неподвижности было то, чего Ирэн не видела за все двадцать один год:

Паника.

Элара вытащила руки из чаши. Вытерла о белые одежды - не ритуальным жестом, а быстрым, нервным, как вытирают руки, когда нужно что-то хватать, что-то делать, бежать.

- Стража, - сказала Элара. Голос ровный. Руки - нет. - Вызовите вторую смену. Сосуд возвращается в ячейку. Немедленно.

Стражник - тот, другой, не он - шагнул вперёд откуда-то из коридора, Ирэн не заметила, когда он появился. Чужие руки - жёсткие, безразличные, привычные руки стражи, которая ведёт сосуд, как ведут мешок с зерном: аккуратно, но без церемоний - взяли её за плечи и повели к двери.

Ирэн обернулась.

Он стоял в ритуальной камере - один, среди свечей и ка-

менных стен, и смотрел на свою правую руку. Его пальцы были раскрыты, ладонь обращена вверх, и в тусклом свете Ирэн увидела - или ей показалось, что увидела, - тонкие серебристые линии на его запястье. Шрамы. Такие же, как у неё. Сеть, паутина, дельта реки, увиденная с высоты.

Они тускло светились.

Потом дверь закрылась, и коридор принял её - холодный, длинный, гулкий. Шаги стражника за спиной. Шаги Элары где-то впереди - быстрые, почти бегущие. Ирэн шла босиком по ледяному камню и чувствовала, как четыре тысячи триста сорок три нити внутри неё медленно утихают, укладываются, как потревоженная вода возвращается в берега. Но одна из них - одна, которую она не могла найти и назвать, - продолжала звенеть. Тихо. Настойчиво. Как натянутая струна, которую задели и не смогли заглушить.

Шрамы на его запястьях.

Такие же, как у неё.

Ирэн дошла до ячейки. Дверь закрылась. Засов повернулся. Она села на лежанку, прижала колени к груди и обхватила себя руками, спрятав ладони в сгибах локтей, спрятав шрамы, спрятав всё.

Семьсот тридцать два. Семьсот тридцать три.

В темноте ячейки, в тишине, нарушаемой только каплей в стене и далёким пением, просачивающимся откуда-то сверху, - тонким, бесполом, механическим пением жриц, повторяющих ночную литанию, - Ирэн прижала руку к тому

месту на предплечье, где были его пальцы. Кожа горела. Не болью - нити причиняли боль, и Ирэн знала её словарь наизусть. Это было другое. Тепло. Живое, человеческое тепло, впечатанное в кожу прикосновением, которое длилось меньше секунды и ощущалось так, словно длится до сих пор.

Она закрыла глаза. В темноте за веками плавали белые искры - остатки вспышки, медленно тающие, как угли в жаровне. Нити гудели. Тело болело. Но под болью, под гулом, под привычным холодом камня и привычным одиночеством ячейки что-то было.

Не надежда - слишком рано и слишком опасно для надежды. Не любопытство - слишком слабое слово. Что-то среднее. Что-то, похожее на первый вдох после того, как долго держишь голову под водой: резкий, болезненный, обжигающий - и абсолютно необходимый.

Восемьсот сорок пять. Восемьсот сорок шесть. Восемьсот сорок семь.

Она остановилась на этом числе. Не потому, что устала считать. А потому, что впервые за двадцать один год ей захотелось думать о чём-то другом.

* * *

Ритуальная камера была пуста.

Свечи догорали - фитили тонули в лужицах расплавленного воска, и пламя дёргалось, и тени на стенах дёргались вместе с ним, как марионетки, у которых обрезали половину нитей. Чаша с солёной водой стояла на каменном поста-

менте, и вода в ней была мутной - Элара не слила её, ушла, забыла, и это было неправильно, потому что Элара не забывала ничего. Элара была точна, как часовой механизм, как удар колокола, как боль.

Кайрен стоял один.

Он стоял у стены - спиной к камню, лицом к двери, как стоял всегда, в любом помещении, в любом городе, на любом посту: спина защищена, выходы на виду. Привычка, введённая в тело раньше, чем в сознание. Привычка мальчика, который научился считать выходы прежде, чем научился считать годы.

Он смотрел на свою руку.

Правая ладонь была раскрыта. Пальцы чуть подрагивали - мелкая, почти незаметная дрожь, которую он обычно гасил усилием воли, но сейчас не мог. Или не хотел. На ладони - ничего. Никакого следа. Никакого ожога, никакой раны, никакого видимого свидетельства того, что произошло.

Но он чувствовал.

Он чувствовал - и это было хуже раны, потому что рану можно перевязать, можно зашить, можно показать лекарю и получить объяснение. А то, что гудело в его ладони, - тихо, настойчиво, как далёкий набат, - объяснений не имело. Или имело, но такие, которые он тринадцать лет вбивал в землю, утапывал, заваливал камнями, заливал молчанием.

Кайрен медленно повернул руку. Запястье. Предплечье. Рукав чёрной формы был сдвинут - он сдвинул его сам, не за-

мечая, рефлекторно, как ребёнок задирает рукав, чтобы посмотреть на царапину. Под тканью - кожа. Тёмная, гладкая. И шрамы.

Серебристые. Тонкие. Старые - тринадцать лет старые. Сеть линий от запястья до локтя и выше, до плеча, туда, где рукав закрывал всё, и дальше, к ключице, где шрамы становились гуще, грубее, злее. Он прятал их. Всегда. Длинные рукава, перчатки, высокий ворот. Тринадцать лет маскировки. Тринадцать лет молчания. Тринадцать лет жизни, построенной на одном фундаменте: никто не должен знать.

Секунду назад - или минуту, или час, время стало странным, вязким, ненадёжным - его шрамы светились. Серебристый свет, идущий изнутри, из-под кожи, из того места, которое жрицы называли ядром. Он помнил этот свет. Он помнил его, как помнят ожог: не образом, а ощущением. Четырнадцать лет ему было, когда этот свет погас в последний раз - погас, потому что он заставил его погаснуть, вырвал из себя, как вырывают зуб, с кровью и криком и тем особенным звуком, с которым отделяется от тела то, что было его частью.

Он думал - нет, он был уверен, - что свет мёртв.

Свет не был мёртв.

Кайрен сжал кулак. Дрожь не прекратилась. Ладонь горела - тем самым теплом, которое не было болью, не было огнём, а было чем-то средним, чем-то забытым, чем-то, что он тринадцать лет считал похороненным и что поднялось из земли от одного прикосновения к тонкому бледному пред-

плечью, расчерченному шрамами, которые были зеркалом его собственных.

Её шрамы. Такие же. Те же линии, та же серебристая сеть, тот же рисунок, который оставляют нити, входя в тело снова и снова, день за днём, год за годом. Он узнал их мгновенно. Тело узнало раньше разума - именно поэтому рука дернулась, перехватила её, именно поэтому пальцы сжались не на ткани, а на коже, и именно поэтому - он понимал это сейчас, стоя в пустой камере, один, с погасшими шрамами и горячей ладонью - именно поэтому нити ответили.

Его нити. Те, которых не должно было быть. Те, которые он вытравил, выжег, вырвал из себя в ту ночь, когда бежал из другой башни, другого города, другой клетки. Мёртвые нити. Пепел.

Пепел загорелся.

Кайрен опустил рукав. Одёрнул. Проверил - запястья закрыты, шрамы спрятаны, маска на месте. Лицо - неподвижное. Дыхание - ровное. Четыре удара на вдох, четыре на выдох. Пауза. Снова.

Он знал, кто она. Не её имя - имена здесь ничего не значили, он знал это лучше, чем кто бы то ни было. Он знал, что она такое. Сосуд. Как он когда-то. Серое одеяние, босые ноги, шрамы от запястий до локтей, тишина в движениях, привычка быть невидимой. Он видел это, как видят собственное отражение в мутном стекле: искажённое, чужое, но безошибочно узнаваемое.

Он пришёл сюда не случайно. Он три года добивался назначения в Белую Башню, три года строил репутацию идеального солдата, три года молчал, подчинялся, кланялся - пусть на долю секунды короче, чем нужно, но кланялся. Он пришёл сюда с целью. С планом. С холодным, выверенным, рассчитанным по шагам планом, в котором не было места для вспышек белого света, для резонирующих нитей, для бледной девушки с серо-голубыми глазами, которые светле-ли от магии, как зимнее небо светлеет перед рассветом.

Не было места.

Кайрен разжал кулак. Посмотрел на ладонь. Линии жизни, линии судьбы - он не верил в хиромантию, но сейчас линии на его ладони казались ему трещинами в стене, которую он строил тринадцать лет.

Серебряный свет погас. Шрамы на его запястьях снова были просто шрамами. Но ладонь - ладонь горела. И он знал: что бы ни произошло в этой камере, оно не закончилось.

Глава 2. Цепь

Совет пах страхом.

Не тем животным, кислым страхом, который Кайрен научился распознавать на поле боя, - этот был другим. Густой. Выдержанный. Страх людей, привыкших бояться красиво, - за закрытыми дверями, под шелест мантий и стук чётков. Пять жрецов за овальным столом из чёрного дерева. Шестой - Маэрон - у окна, спиной к остальным, словно разговор его не касался. Кайрен стоял у стены. Спиной к камню. Двенадцать шагов до двери. Восемь - до окна. Один кинжал на поясе. Ни одного союзника в комнате.

- Резонанс, - повторил Верен, младший жрец с мягкими ладонями и жёстким ртом. Он произнёс слово так, будто пробовал его на вкус и находил горьким. - Впервые за семьдесят лет.

- Восемьдесят три, - поправил сухой голос слева. Эларра. Она сидела прямо, как натянутая тетива, и не смотрела на Кайрена. Демонстративно не смотрела, что выдавало её сильнее, чем любой взгляд. - Последний зафиксированный случай - сосуд Айлин и стражник Торн. Восемьдесят три года назад. Оба погибли при попытке разрыва связи.

Четвёртый жрец - Кайрен не запомнил имени, только запах: прогорклое масло и засохший ладан - подался вперёд.

- Сосуд повреждён?

- Нити стабильны, - ответила Элара. - Фон выше нормы на двенадцать единиц, но без деградации структуры. Пока.

Пока. Кайрен отметил это слово. Спрятал его туда, где хранил всё полезное, - в ту часть сознания, которая никогда не спала, даже когда остальное тело послушно изображало покой.

- Командир Стражи.

Голос Маэрона не стал громче. Он не повернулся от окна. И всё же каждый жрец за столом замер, словно по комнате прошёл сквозняк, которого не было.

- Верховный Жрец, - отозвался Кайрен. Ровно. Без интонации. Так говорят люди, которым нечего скрывать. Или те, кому есть что скрывать, но которые давно перестали об этом думать.

- Опишите, что вы почувствовали при контакте с сосудом.

Семь пар глаз. Кайрен ощутил каждый взгляд отдельно: вес, температуру, намерение. Элара смотрела с подозрением. Верен - с тревогой. Двое других - с профессиональным любопытством, какое бывает у мясников перед хорошей тушей. Ещё двое - с плохо скрытым ужасом.

Маэрон не смотрел вовсе. Это было хуже всего.

- Статическое покалывание в точке контакта, - сказал Кайрен. - Длительность - менее секунды. Вспышка ослепила на три-четыре удара сердца. После - ничего.

Ложь. Чистая, отточенная, как клинок, которому он доверял больше, чем людям. После - ничего. Кроме того, что

шрамы на его руках горели ещё два часа. Кроме того, что он чувствовал её пульс - не свой, её - ещё долго после того, как дверь камеры закрылась. Кроме того, что впервые за тринадцать лет он проснулся от чужого сна.

Маэрон наконец повернулся. Светлые глаза - почти белые, как у слепой рыбы в подземных реках, - скользнули по лицу Кайрена. Задержались. Двинулись дальше. Кайрен не шевельнулся. Контроль. Тело, лицо, дыхание, зрачки. Всё на месте. Он практиковал это с четырнадцати лет - с того дня, когда понял, что единственный способ выжить среди тех, кто читает людей профессионально, - стать нечитаемым.

- Связь не сформирована, - произнёс Маэрон. Не как вопрос. Как утверждение, которое требовалось подтвердить.

- Я не обладаю квалификацией для такой оценки, Верховный Жрец.

Правильный ответ. Смиренный. Пустой. Маэрон кивнул - едва заметно, как человек, которому подтвердили то, что он и без того знал.

- Тем не менее предосторожность необходима. - Маэрон обвёл взглядом стол. Никто не возразил. Никто никогда не возражал. - Командир Стражи будет приставлен к сосуду. Постоянное наблюдение. Все тренировки контроля утечек - в его присутствии. Жрица Элара продолжит протокол усиленных кормлений.

Элара сжала губы. Тонко, почти незаметно. Кайрен заметил. Он всё замечал - это было единственное, в чём он не

умел себе отказать.

- Верховный Жрец, - начал Верен, - если связь всё же формируется...

- Тогда мы будем знать, - ответил Маэрон, и улыбка тронула его губы - та самая улыбка, от которой у Кайрена kamenели скулы. Мягкая. Терпеливая. Улыбка человека, который видит шахматную доску целиком, пока остальные смотрят на отдельные фигуры. - И знание - это всегда лучше неведения. Не так ли, командир?

- Разумеется, Верховный Жрец.

Совет закончился. Жрецы разошлись - торопливо, как мыши из-под опрокинутой миски. Кайрен вышел последним. Тридцать два шага по коридору. Поворот. Лестница - сорок одна ступень вниз. Ещё коридор. Он считал. Всегда считал. Расстояния. Людей. Секунды до того момента, когда можно будет разжать челюсть.

План работал. Его приставили к сосуду. К Ирэн. Ближе, чем он рассчитывал. Быстрее, чем он мог надеяться.

Тем хуже.

Потому что план не включал того, что шрамы на его руках до сих пор покалывали. План не включал того, что он помнил запах её кожи - чистый, без ладана, без ритуальных масел. Простой. Живой. План не включал её.

Он дошёл до казармы. Закрыв дверь. Стянул наруч с левой руки. Серебристые линии шрамов - от запястья до локтя, ровные, как строчки в жреческих свитках - тускло мерцали

в свете масляной лампы. Он провёл по ним пальцем. Холодные. Как всегда. Мёртвый след мёртвой боли.

Но вчера они светились.

Он натянул наруч обратно. Затянул ремешки. Каждый - на один оборот туже, чем нужно.

* * *

Тренировочная камера пахла мокрым камнем и медью. Старая медь, окислившаяся, вьёвшаяся в щели между плитами пола, - кровь бессчётных сосудов, которые стояли здесь до неё. Ирэн знала этот запах. Он был частью Башни, как холод, как тишина, как тупая боль в венах после кормления.

Она стояла в центре комнаты. Босые ноги на ледяном камне. Серая ткань одеяния - слишком тонкая для подвальных помещений, но достаточная по мнению Ордена. Сосуды не мёрзнут. Сосуды не болят. Сосуды не жалуются. Это было записано где-то в уставе, который она никогда не читала, потому что сосудам не давали читать.

Две младшие жрицы расставляли измерительные стержни - тонкие медные шпильки, покрытые рунами, - по окружности вокруг неё. Восемь стержней. Восемь точек замера. Ирэн знала процедуру наизусть: стоять неподвижно, дышать ровно, не думать. Последнее она выполняла хуже всего.

Дверь открылась. Не со скрипом - петли в Башне смазывали исправно, потому что скрип мешал жрецам медитировать. Но воздух в камере сместился. Стал плотнее. Ирэн не обернулась. Не нужно было.

Покалывание в запястьях. Слабое, как эхо, но безошибочное.

Кайрен вошёл, как входят люди, привыкшие к помещениям, из которых может не быть выхода, - проверяя углы, считая людей, выбирая стену. Он встал справа от двери. Скрестил руки. Наручи - от запястий до середины предплечий, потемневшая кожа, начищенные пряжки. Ирэн отметила это краем взгляда. Длинные рукава под кольчужной рубахой. Перчатки, хотя в камере было не холодно. Он одевался как человек, которому есть что прятать.

Она знала, как это выглядит. Она делала то же самое.

Элара появилась следом. Сухой кивок жрицам. Взгляд на Ирэн - оценивающий, профессиональный, без тепла.

- Сосуд, - сказала Элара. Не имя. Никогда - имя. - Начи-
наем.

Стержни загудели. Низкий, на грани слышимости звук, который Ирэн чувствовала не ушами, а зубами, костями, тем местом за грудиной, где жили нити. Гул заполнил камеру, и воздух стал тяжёлым, вязким, как перед грозой.

Ирэн закрыла глаза. Дышала. Считала удары сердца. Один. Два. Три.

На четвёртом покалывание в запястьях усилилось.

- Стой ровнее, - сказал голос от стены. Низкий. Тихий. Без приказного тона - скорее наблюдение, которое решило стать словами.

Ирэн открыла глаза. Не повернула головы - только скосила

взгляд.

- Я двадцать один год стою ровно. - Она поправила косу - тугую, тяжёлую, перетянутую у основания полоской серой ткани. - Ты, похоже, новенький.

Он посмотрел на неё. Долго. Без выражения. Лицо - как закрытая дверь. Нет, не дверь. Двери предполагают возможность открытия. Его лицо было как стена, за которой когда-то была комната, но проход замуровали давно и начисто.

- Если бы я был новеньким, я бы не знал, что ты прячешь нож из столовой в левом рукаве.

Тишина.

Одна из младших жриц подняла голову от стержня. Элара не шевельнулась - но её молчание стало другим. Острым.

Ирэн не дрогнула. Лицо - маска. Руки вдоль тела. Спина прямая. Двадцать один год тренировки. Но пульс на шее - предатель, единственная часть тела, которую она не могла обмануть, - ускорился.

- Это не нож, - сказала она. - Это ложка.

- Заточенная.

Пауза. Гудение стержней заполнило тишину между ними - плотное, давящее на виски.

- Ложки тупые, - сказала Ирэн ровно. - Спроси любого жреца.

Что-то сдвинулось в его лице. Не улыбка - для этого нужны были мышцы, которые он, кажется, разучился использовать. Но что-то. Тень движения, которое могло бы стать чем-

то, если бы ему позволили.

- Уровень семь. Стабильно, - доложила жрица слева, глядя на руны стержня. Голос ровный, привычный, - человек, для которого измерение чужой боли стало рутиной.

- Командир, подойдите на три шага, - сказала Элара. Голос сухой, как пергамент. - Мне нужен замер при приближении.

Кайрен шагнул. Раз. Два. Три.

Ирэн почувствовала каждый шаг. Не звуком - он двигался тише, чем имел право человек его роста. Она почувствовала их тем, чем чувствовала нити: невидимым, безымянным органом внутри грудной клетки, который Орден называл "якорем", а она - клеткой. Покалывание в запястьях превратилось в тепло. Не жар - мягкое, неуместное тепло, как рука, которую никто не протягивал.

- Уровень одиннадцать, - сказала жрица. Голос дрогнул. - Нет, двенадцать. Растёт.

- Достаточно, - Элара подняла ладонь. - Командир, назад.

Кайрен отступил. Ирэн выдохнула - не через рот, через всё тело. Плечи, рёбра, кончики пальцев. Тепло ушло. Осталась пустота - и странное, тянущее ощущение, словно из неё вынули нитку, которой она не знала у себя.

- Запишите, - приказала Элара жрице. - Пассивный резонанс при дистанции менее пяти шагов. Без физического контакта.

Ирэн смотрела в стену перед собой. Каменная кладка. Стык. Трещина. Ещё одна трещина. Она знала эту стену.

Знала каждый камень в этой комнате, в своей камере, в коридоре до зала кормлений. Она знала Башню так, как слепой знает свой дом: на ощупь, на запах, по количеству шагов.

Она не знала, почему присутствие этого человека ощущалось как дверь, которой раньше не было.

Тренировка закончилась через два часа. Ирэн стояла всё это время. Ноги онемели, и когда Элара наконец кивнула - всё, - она позволила себе переступить с ноги на ногу. Это было максимальное проявление слабости, которое она могла себе позволить при свидетелях.

Кайрен не сдвинулся со своего места ни разу за два часа. Ирэн знала. Она не смотрела - но знала.

* * *

Башня ночью дышала иначе.

Днём она была камнем, ритуалом, приказом. Механизмом, каждый винтик которого знал своё место и вращался по расписанию: кормления на рассвете, тренировки к полудню, медитации жрецов в сумерках, отбой - после третьего колокола. Но ночью, когда коридоры пусты и масляные лампы оставляли на стенах лужи рыжего света, - Башня становилась тем, чем была на самом деле. Тюрьмой. Тихой, белокаменной тюрьмой, которая притворялась храмом так давно, что почти поверила в собственную ложь.

Кайрен шёл по третьему ярусу. Ночной обход. Он настоял на том, чтобы нести его лично, - командиры Стражи обычно поручали это старшим офицерам, но Кайрен не доверял

маршруты другим. Маршруты - это карты. Карты - это знание. Знание - это контроль.

Коридор сосудов. Шестнадцать дверей - по восемь с каждой стороны. Тяжёлые, дубовые, с медными засовами снаружи. Не изнутри. Никогда изнутри.

Он знал эти двери. Не эти конкретные - другие, в другом крыле, тринадцать лет назад. Но они были такими же. Тот же дуб. Та же медь. Тот же звук, когда засов задвигается на ночь, - глухой, окончательный, как последний выдох.

Семнадцать шагов от поворота до её камеры. Он считал. Каждый раз. Семнадцать шагов - и на четырнадцатом он замедлялся, потому что на четырнадцатом году он сам был за такой дверью.

Он остановился. Привалился к стене напротив. Камень был холодным даже через кольчугу и поддоспешник, - Башня не грелась, не остывала. Она держала свою температуру, как жрецы держали свои лица: неизменно, старательно, вопреки всему живому.

Тишина. Дальний гул ветра в верхних ярусах. Капель где-то внизу - конденсат на подземных сводах. Его собственное дыхание - ровное, контролируемое, четыре счёта вдох, четыре счёта выдох.

Он думал о ней. Это было ошибкой, и он знал это, и всё равно думал.

Не о её лице. Не о том, как она стояла босыми ногами на ледяном камне два часа без единой жалобы. Не о пульсе на

её шее, который выдал то, чего не выдало лицо.

О ложке.

Заточенная ложка в рукаве сосуда. Он не доложил об этом Эларе. Не упомянул на совете. Это было нарушение протокола, нарушение клятвы, нарушение всего, ради чего его сюда поставили.

Он не доложил.

Потому что тринадцать лет назад у другого сосуда, в другом крыле, был такой же нож. Не ложка - кусок стекла от разбитой лампы, обмотанный полоской от простыни. Он хранил его под матрасом. Он никогда им не воспользовался - ни против жрецов, ни против себя. Но само его наличие, твёрдое, острое, спрятанное, - было единственным, что позволяло просыпаться по утрам.

Кайрен закрыл глаза.

* * *

Четырнадцать лет назад

Зал кормлений. Меньше, чем нынешний, - это было другое крыло, для младших сосудов. Медный привкус во рту. Ритуальные кандалы на запястьях - не верёвка, не кожа, медь, - холодная, потом тёплая от его собственной крови. Жрец, чьего лица он не помнил, потому что запретил себе помнить, клал ладонь ему на лоб и произносил слова, от которых мир превращался в белый шум и боль. Нити входили, как раскалённые иглы, через кожу, через мышцы, в кости, в то место за грудиной, которое потом болело дни, недели,

всегда.

Он открыл глаза. Выдохнул. Четыре счёта.

Рука - левая, всегда левая - потянулась к правому запястью. Пальцы нашли край наруча. Ремешок. Пряжка. Он не снял наруч. Только коснулся - того места, где медь кандалов когда-то впечатывалась в кожу, оставляя борозды, которые зарастали и снова открывались, зарастали и открывались, пока не перестали зарастать вовсе.

Мальчик в серой одежде. Тринадцать лет назад. Тощий, с огромными глазами, с руками, которые он прятал в рукава, потому что шрамы пугали других сосудов. Тот мальчик верил, что сбежит. Верил так отчаянно, яростно, до хруста в зубах, - что вера превратилась в план, план - в действие, действие - в четырнадцать дней в канализации под Башней, питаясь крысами и дождевой водой, пока не выбрался за пределы внешней стены.

Тот мальчик вернулся. Через тринадцать лет, с другим именем, с другим телом, с клятвой Стражи, впечатанной в кровь. Вернулся, чтобы уничтожить то, что его создало.

План был прост. Занять позицию. Получить доступ. Найти слабые места ритуала. Саботировать. Уйти. Каждый этап - как ступень лестницы: точный, необходимый, лишённый всего лишнего.

Ирэн не была частью плана.

Связь не была частью плана.

Покалывание в шрамах, которое началось при её касании

и с тех пор не прекращалось полностью, - гудело сейчас, тихо, настойчиво, как далёкий колокол, - не было частью плана.

Он сжал челюсть. Мышцы на скулах каменели - знакомое ощущение, старый друг, единственный, которого он себе позволял.

Он ожидал сломанную. Пустую. Тихую оболочку, в которую вливали нити, как воду в кувшин. Так было с другими сосудами, которых он видел в детстве: к пятнадцати годам глаза тускнели, движения замедлялись, голос становился монотонным. Нити выжирали то, что делает человека человеком, и оставляли функцию.

Ирэн была сосудом двадцать один год. В ней было больше нитей, чем в любом живом существе за последние сто лет. И она точила ложки.

Раздражающе живая. Он не мог подобрать другого слова. Раздражающе.

Он оттолкнулся от стены. Пошёл дальше. Восемнадцатый шаг. Девятнадцатый. Прочь от её двери.

На двадцать третьем он услышал звук.

* * *

Не крик. Сосуды не кричат - этому их учат первому. Звук был тише, глубже, - сдавленный выдох, в котором было столько боли, сколько может поместиться в один выдох, если практиковать это двадцать один год.

Кайрен остановился. Развернулся. Семнадцать шагов обратно. На этот раз он не замедлился на четырнадцатом.

Он встал у двери. Прислушался. Дыхание - рваное, прерывистое. Шорох ткани - она двигалась на постели. Тихий стук - пальцы по камню стены. Ритмичный. Она считала.

Он знал, что она делала. Он делал то же самое. Тринадцать лет назад, за другой дверью, в другом крыле. После кормления тело горело, и единственным способом не закричать было считать. Удары сердца. Трещины на потолке. Шаги стражника в коридоре. Что угодно, за что можно зацепиться, чтобы не утонуть в белом шуме боли.

Он должен был уйти. Протокол запрещал контакт со стороны охраны. Протокол запрещал разговоры. Протокол запрещал всё, что могло напомнить сосуду о том, что за пределами двери существует что-то, кроме ритуала.

Он не ушёл.

Прислонился к двери. Спинай. Затылком. Камень и дерево через ткань, через кольчугу - холодные, безразличные, вечные. Он закрыл глаза.

Тишина. Потом - её голос. Тихий, севший, как будто она долго молчала и связки отвыкли работать.

- Я знаю, что ты там.

Он не ответил. Секунда. Две. Три.

- Твоё дыхание, - сказала она. - Ты дышишь как солдат. Четыре счёта. Никто в Башне так не дышит.

Он мог уйти. Должен был уйти. План не включал разговоров через стену в три часа ночи с сосудом, которого он должен был использовать как точку доступа к ритуалу.

- Ты должна спать, - сказал он. Тихо. Глухо через дерево двери.

- Ты тоже.

Пауза. Где-то наверху - далёкий звон. Колокол третьей стражи. Два удара. Ночь перевалила за середину.

- После кормлений не спится, - сказала она. Не жалоба. Констатация. Так говорят о погоде, о рассвете, о вещах, которые невозможно изменить. - Тело гудит. Как те стержни, только изнутри.

Он знал. Он помнил. Гудение - это нити устраиваются, вырастают, занимают место, которое раньше было твоим. Каждое кормление - маленькая смерть. Что-то уходит, что-то приходит. И то, что приходит, никогда не бывает твоим.

- Пройдёт, - сказал он. И тут же пожалел. Пустое слово. Слово из лексикона жрецов, которые не знают, каково это - гудеть изнутри.

- Не пройдет, - ответила она спокойно. - Но притупится. К утру.

Тишина. Дыхание за дверью выравнивалось - медленно, рвано, как человек, который собирает себя по кускам.

- Звёзды, - сказала она. - Расскажи мне про звёзды.

Кайрен открыл глаза. Посмотрел на потолок коридора - низкий, каменный, безликий. Он мог бы промолчать. Должен был промолчать.

Тишина. Потом - его голос, тихий, как будто он тоже прижался к стене, к двери, к той единственной точке, где дерево

было тоньше всего:

- Холодные. Далёкие. Им нет до тебя дела.

- Идеальная компания.

Он почти рассмеялся. Почти. Звук, который мог бы стать смехом, застрял где-то между рёбрами и умер, не родившись. Он не смеялся тринадцать лет. Может быть, дольше. Может быть, никогда.

- Ты видишь их отсюда? - спросил он.

- Бойница, - ответила она. - Узкая. Вижу полоску неба. Иногда - одну звезду, если повезёт. Чаще - просто темноту.

Он помнил свою бойницу. Другое крыло, другой ярус, но та же ширина - ладонь ребёнка. Он часами смотрел в неё. Не на небо. На стену - внешнюю, за которой был город, и за городом - дорога, и за дорогой - всё то, чего он никогда не видел и во что верил так, как сосуды должны были верить в Орден.

- Одна звезда, - сказал он после паузы. Голос изменился - он не заметил как. Стал ниже. Медленнее. Слова выходили по одному, с усилием, как будто каждое нужно было вытащить из-под камня. - Прямо над Башней. Ярче остальных. Стража зовёт её "Глаз жреца".

- А ты?

Тишина. Капель. Ветер в верхних ярусах - далёкий, протяжный, как стон.

- Я зову её "выход".

Молчание. Долгое. Он слышал, как она дышит - ровнее

теперь, глубже. Он слышал, как пальцы перестали стучать по стене. Он слышал - или ему казалось, что слышал - как она прижалась к двери с той стороны. Зеркальное отражение. Два человека, разделённые деревом и медным засовом, сидящие спиной к спине, не видя друг друга.

Может быть, поэтому было легче. Без глаз. Без лиц. Без масок, которые они оба носили днём, - его каменной, её ровной. Темнота и дерево между ними снимали слои, которые при свете были необходимы для выживания.

- Ты не похож на стражника, - сказала она.

- Я командир Стражи.

- Это не то, что я имела в виду.

Он знал, что она имела в виду. Это было опасно.

- Тебе нужно спать, - сказал он. Голос - снова ровный, снова контролируемый. Дверь закрылась. Не деревянная - та, внутренняя, которую он умел закрывать быстрее, чем любой засов.

- Командир, - сказала она тихо. Первый раз она назвала его по званию, и в её голосе было что-то, что ему не хотелось анализировать. - Спасибо. За звёзды.

Он не ответил. Встал. Одёрнул кольчугу. Тридцать два шага до конца коридора. Он не обернулся.

Но на тринадцатом шаге он понял, что покалывание в шрамах утихло. Впервые за двое суток.

И это напугало его больше, чем если бы оно усилилось.

* * *

Второй день. Вторая тренировка. Та же камера. Тот же запах - мокрый камень, медь, ладан от мантий жриц. Но Ирэн выглядела иначе.

Кайрен видел это мгновенно - так же мгновенно, как он считал выходы и людей. Она стояла прямо, но это была другая прямизна. Не гордость и не привычка - усилие. Каждый мускул работал на то, чтобы удержать тело вертикально. Кожа - белее обычного. Тени под глазами - глубже. Руки вдоль тела, но пальцы подрагивали. Мелко, почти незаметно. Он заметил.

Усиленные кормления. Элара выполняла приказ Маэро-на. Больше нитей. Чаше. Тело сосуда не успевало восстанавливаться между сеансами, и нити - вместо того чтобы встраиваться ровно, слоями, как предписывал протокол, - рвали ткань на входе, оставляя воспаление, гудение, боль.

Он видел это по тому, как она дышала. Неглубоко, осторожно, будто рёбра были стеклянными.

Стержни загудели. Ирэн не закрыла глаза - смотрела перед собой, в стену. Кайрен стоял на своём месте. Справа от двери. Спина к камню. Руки скрещены.

- Командир, приблизьтесь, - сказала Элара. - Протокол измерений. Как вчера.

Он шагнул. Раз. Два. Три.

На этот раз покалывание пришло раньше - на втором шаге вместо третьего. Он почувствовал его не в шрамах - глубже, в том месте, где когда-то жили его собственные нити, прежде

чем он вырвал их из себя. Фантомная боль. Или не фантомная. Он не знал наверняка, и это незнание было похоже на занозу, которую не получается подцепить.

- Уровень четырнадцать, - сказала жрица. Голос выше, чем вчера. - Фон растёт быстрее.

Элара нахмурилась. Сделала пометку в журнале - грифель царапал пергамент, сухой, торопливый звук.

- Ещё шаг, - приказала она.

Кайрен шагнул. Четвёртый шаг. Два метра между ним и Ирэн. Он чувствовал тепло - не физическое, не от её тела. Другое. Тепло, которое шло откуда-то из-под кожи, из-под мышц, из того места, которое жрецы называли якорем. Оно тянулось к ней, как вода тянется вниз, - неизбежно, безразлично к его воле.

Ирэн шевельнулась. Едва заметно - качнулась вперёд, словно тепло тянуло и её тоже. Потом выпрямилась. Сстиснула зубы. Он видел, как напряглась линия её челюсти - знакомый жест, его собственный, зеркальный.

- Уровень восемнадцать, - жрица отступила от стержня. - Жрица Элара, это выше допустимого...

- Назад, командир, - Элара захлопнула журнал.

Он отступил. Но не сразу. На долю секунды - меньше, чем удар сердца, меньше, чем выдох, - он остался на месте. Не потому что не мог двинуться. Потому что часть его, та часть, которую он контролировал хуже всего, не хотела.

Тренировка продолжилась. Измерения на разных дистан-

циях. Элара записывала числа с лицом хирурга, изучающего опухоль. Младшие жрицы перешёптывались - слишком тихо для обычного слуха, но Кайрен слышал: "резонанс", "связь", "нужно доложить".

К концу второго часа Ирэн стояла силой воли. Кайрен видел это - видел, как её колени подрагивали под серой тканью, как пальцы сжимались в кулаки и разжимались, как побелели костяшки. Он видел, потому что смотрел. Потому что не мог не смотреть, и это раздражало его больше всего.

- Достаточно, - сказала Элара.

Ирэн сделала шаг к выходу. Второй. На третьем мир качнулся.

Она не упала. Она бы не позволила себе упасть - не здесь, не перед ними. Но тело решило иначе: колени подогнулись, и пол начал подниматься ей навстречу, и единственное, о чём она успела подумать, было: не лицом, только не лицом, достаточно того, что они видят меня слабой -

Руки. Чужие. Перчатки - грубая кожа, тёплая от его тела. Одна - на её плече, другая - на талии. Он двигался быстрее, чем она падала. Она даже не слышала его шагов.

Мир остановился.

Покалывание взорвалось - не болью, не теплом, чем-то третьим, для чего не существовало слова. Оно хлынуло из его ладоней в её тело и из её тела - обратно, замкнутый контур, петля, и на одно бесконечное мгновение она почувствовала его. Не мысли, не эмоции - то, что было глубже. Пусто-

ту на месте нитей, которые когда-то были. Шрамы, которые горели. Ярость, зажатую так глубоко, что она превратилась в камень.

И страх. Не за себя. За неё. Он боялся за неё, и это было так нелепо, так неправильно, так не по плану, что она почти рассмеялась.

- Ты можешь меня отпустить, - сказала она ровным голосом, хотя комната плыла. Стены меняли местами пол и потолок. Его руки были единственной неподвижной точкой.

- Могу. - Он не отпустил.

- Это приказ?

- Ты не в том положении, чтобы приказывать.

- Я сосуд. Я всегда не в том положении. - Она выпрямилась. Позвоночник - по одному позвонку, снизу вверх, как выстраивают стену из отдельных камней. - Но ноги у меня мои.

Он отпустил. Медленно. Пальцы разжимались по одному, как будто каждый требовал отдельного приказа. Сначала - с плеча. Потом - с талии. Последним - мизинец, который задержался на ткань дольше, чем остальные.

Она стояла. Сама. Комната ещё плыла, но ноги держали, и это было достаточно.

Он отступил. Два шага. Три. Расстояние, которое он вернул между ними, ощущалось как ожог наоборот - не жар, а внезапный холод на месте, где только что было тепло.

Элара смотрела на них. Грифель в её руке не двигался.

Жрицы застыли. Тишина была такой плотной, что в ней можно было утонуть.

Кайрен вернулся на своё место. Справа от двери. Спиной к стене. Лицо - закрытая дверь. Замурованная комната. Ничего не произошло. Ничего.

Но ладони горели. Через перчатки, через кожу, через всё, что он выстроил между собой и миром за тринадцать лет, - горели, и он знал, что она это чувствует тоже, потому что она коснулась своего плеча - того места, где лежала его рука, - быстрым, бессознательным жестом, и тут же отдернула пальцы.

Никто не прокомментировал. Элара записала что-то в журнал. Жрицы вернулись к стержням. Ирэн вышла из камеры - сама, на своих ногах, не оглянувшись.

Кайрен стоял у стены ещё три минуты после того, как все ушли. Считал. Дыхание. Удары сердца. Секунды.

Его запах - его собственный, пот и металл и масло для кольчуги, - смешался с чем-то другим. Мыло. Простое, щелочное, какое выдают сосудам. И что-то ещё - не духи, не травы. Что-то, у чего не было названия, но что принадлежало только ей, и что теперь было на его перчатках, на его ладонях, в его памяти, где оно не имело никакого права находиться.

Он стянул перчатку. Посмотрел на ладонь. Шрамы на запястье мерцали - тускло, едва различимо, серебристые нити под кожей, словно что-то внутри откликалось на прикосно-

вание, которое уже закончилось.

Он натянул перчатку обратно.

Лишняя секунда. Он держал её лишнюю секунду. Может быть, две. Он считал всё, и он знал точно: две секунды сверх необходимого. Два удара сердца, которые не принадлежали плану, протоколу, заданию.

Два удара. Это было много. Это было катастрофически, непоправимо много.

Он сжал челюсть и вышел из камеры.

* * *

Ирэн лежала на узкой койке в камере, которую Орден называл "кельей", а она - тем, чем она была: клеткой. Потолок - низкий, каменный, с одной трещиной, которая тянулась от угла к центру, как русло высохшей реки. Она знала эту трещину. Знала каждый её изгиб. Ночами, когда боль не давала спать, она прослеживала её взглядом, сантиметр за сантиметром, и это было похоже на путешествие, - единственное путешествие, которое ей позволялось.

Тело гудело. Усиленные кормления превращали её в струну, натянутую до предела: тронь - и лопнет, или зазвучит, но неизвестно чем. Нити ворочались внутри, как живые, устранивались, толкались, занимали пространство. Каждая новая нить отбирала что-то, но Ирэн давно перестала считать, что именно. Первой ушла способность чувствовать вкус - в двенадцать лет. Потом - мелочи: сны стали серыми, запахи приглушились, цвета поблекли. Как будто кто-то медленно, по

капле, разбавлял водой краску, которой была нарисована её жизнь.

Но сегодня. Сегодня его ладони на её плечах - и мир на мгновение стал ярче. Она слышала гудение стержней чётче, чем когда-либо. Она чувствовала камень под босыми ногами - каждую неровность, каждую выбоину, - так, как не чувствовала с детства. Его прикосновение что-то включило обратно, и теперь, спустя часы, тело помнило это и требовало ещё, и это было похоже на голод, и это было опасно.

Она повернулась на бок. Прижала руки к груди. Рукава сдвинулись, обнажая шрамы - серебристые линии от запястий до локтей, ровные, параллельные, как строчки в книге, которую писали без её согласия. Она натянула ткань обратно. Рефлекс. Прятать. Всегда прятать. Даже наедине с собой.

Как он.

Наручи. Перчатки. Длинные рукава. Она видела это сегодня - и раньше, на первой тренировке. Он прятал руки. Так же, как она. Тем же движением, тем же рефлексом. Она узнала его не по лицу, не по голосу - по жесту. По тому, как он одёрнул рукав, когда наруч сдвинулся на полсантиметра.

Она не знала, что это значит. Она знала, что это значит. Обе мысли существовали одновременно, и ни одна не была ложью.

Бойница впускала полоску ночного неба. Узкая, как лезвие. Темнота и одна звезда - яркая, белая, прямо над Башней. "Выход".

Ирэн закрыла глаза. Тело гудело. Нити ворочались. Она считала удары сердца, как делала каждую ночь, - монотонно, терпеливо, дожидаясь, пока боль отступит настолько, чтобы сон стал возможным. Один. Два. Три. Двадцать. Сорок. На шестьдесят третьем ударе она провалилась.

Не в сон.

В чужую память.

Камера - меньше её собственной. Темнее. Стены - не белый камень, а серый, с разводами сырости. Койка - деревянная рама, тюфяк, набитый соломой. Тонкое одеяло, под которым лежал мальчик. Тощий, с острыми локтями и коленями, торчащими углами, словно тело ещё не решило, в какую сторону расти. Серая одежда - такая же, как на ней. Те же швы, та же ткань, тот же покрой, который не менялся десятилетиями.

Мальчик не спал. Он лежал на спине и смотрел в потолок, и его руки - детские, тонкие, с длинными пальцами - лежали поверх одеяла. Ирэн видела их отчётливо, как будто стояла рядом, как будто могла протянуть руку и коснуться.

Шрамы. Серебристые. От запястий - выше, к локтям, и ещё выше, к плечам, - ровные, параллельные, нанесённые с аккуратностью, в которой не было ничего человеческого. На правом запястье - кольцевой след. Борозда, вдавленная в кожу. Не верёвка, не ремень. Металл. Кандалы.

Ритуальные кандалы.

Мальчик поднял руку. Повернул запястье к свету бойни-

цы. Серебристые линии блеснули - мертво, тускло, как старые монеты на дне колодца. Его лицо - Ирэн видела его теперь, и что-то внутри неё сжалось, потому что лицо было другим и тем же самым одновременно. Те же скулы, но мягче, ещё не заострённые голодом и временем. Те же глаза, но шире, моложе, не спрятанные за стеной.

Мальчик лежал в камере. В серой одежде сосуда. Со шрамами от кормлений на руках.

Мальчику было четырнадцать лет. И он держал под матрасом кусок стекла, обмотанный тканью.

Ирэн открыла глаза.

Потолок. Трещина. Бойница. Звезда.

Сердце билось - не быстро, не громко, - иначе. Так бьётся сердце, когда тело понимает что-то раньше разума. Когда кожа, кости, кровь уже знают то, до чего мысль доберётся только через минуту, через час, через ночь.

Его руки. Наручи, перчатки, длинные рукава.

Его шаги - семнадцать от поворота до её двери, и замедление на четырнадцатом.

Его голос, когда он говорил о звёздах, - скупой, низкий, с трещиной, которую он, наверное, не слышал сам.

Он был сосудом.

Ирэн лежала неподвижно. Потолок не изменился. Трещина была на месте. Звезда горела в бойнице - холодная, далёкая, безразличная.

Мальчик в серой одежде.

Командир Стражи.

Она медленно, очень медленно прижала ладонь к двери камеры. Дерево было холодным, шершавым, бессмысленным. Но где-то за ним - за коридором, за лестницей, за расстоянием, которое он отмерял шагами, - он был. Человек, который прятал те же шрамы, что и она.

Он был сосудом.

И он вернулся.

ГЛАВА 3. ТРЕЩИНЫ

Есть вещи, которые нельзя увидеть и остаться прежним. Шрамы - одна из них.

Она нашла его на нижней галерее, у бойницы, повёрнутой к востоку.

Кайрен стоял так, как стоял всегда, - спиной к стене, лицом к коридору, словно ожидал нападения от каменной кладки. Утренний свет, едва пробившийся сквозь узкую щель в стене, лежал на его плече косой полосой, и пыль кружилась в этом луче - медленно, лениво, будто даже пыль в Бе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.